

*В диссертационный совет Д 170.003.01,
созданный на базе
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
университет правосудия» по адресу:
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д.
69, ауд. 910*

ОТЗЫВ

о диссертации Досаевой Глеры Сулеймановны «Уголовно-правовой институт множественности преступлений», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (Москва, 2017)

Представленная на защиту диссертация примечательна во многих отношениях, но прежде всего ее отличает актуальность обозначенной проблемы. Вынужденное постоянно «держат удар» и оперативно, подчас точно, реагировать на новые криминальные вызовы, российское уголовное право постепенно утрачивает свойства системности. В стремлении решить как можно больше тактических задач, законодатель теряет общее видение закономерностей и механизма реализации уголовной ответственности, растворяет существующие доктринальные концепции в потоке законодательных инициатив, вследствие чего фундаментальные правовые категории теряют свои предметные очертания, а юридические институты – социально-юридическую направленность. К сожалению, печальный итог этого процесса предсказуем: дискредитация доктринальных идей, «маятниковая» криминализация деяний и «подгонка» научных идей под отдельные тактические задачи приводят к обесцениванию сущности права как стабильного регулятора отношений, и уголовное законодательство не может успешно выполнять свою охранительную функцию. И как бы парадно сейчас ни звучала эта мысль, единственным залогом эффективности и стабильности российского уголовного права была и остается его доктрина. Именно она наполняет социально-политическим содержанием уголовно-правовые нормы и институты, обеспечивает единообразие судебной

практики и преемственность национальных юридических традиций.

Однако было бы ошибкой полагать, что основное значение доктрины права заключается в сохранении правовых традиций. Под влиянием политических, социальных и экономических процессов она вынуждена пересматривать некоторые категории и разрабатывать новые, адаптированные под новые криминальные вызовы подходы. И основная трудность для отечественной уголовно-правовой науки состоит как раз в том, чтобы соблюсти известный баланс между традициями и новациями, стабильностью и мобильностью права.

Автору рецензируемой работы, как мне думается, удалось сохранить равновесие этих качеств и предложить на суд читателей актуальный научный труд, в котором с опорой на многовековую историю российского законодательства и с учетом современных криминальных вызовов предложена оригинальная теоретическая концепция уголовно-правового института множественности преступлений. Основная заслуга соискателя состоит в том, что она смогла выйти за рамки привычного обсуждения проблемы множественности в русле позитивистской оценки совокупности и рецидива преступлений и предложить принципиально новое понимание социальных и исторических оснований развития института множественности.

Отмечая высокую актуальность работы, я имею в виду не столько востребованность работы практикой, сколько ее значимость для оживления самой доктрины уголовного права, вынужденной «забывать» бреши в советской концепции множественности и одновременно подстраиваться под новые изменения УК РФ в части оценки предшествующей судимости лица и возврата неоднократности в виде административной преюдиции.

Известной смелостью отличаются авторский подход к трактовке исторических предпосылок формирования множественности, интерпретация институтов и субинститутов права, нестандартные по форме и содержанию предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Далеко не со всеми выводами можно согласиться, но при этом нельзя не признать, что в рамках авторской концепции множественности они кажутся убедительными и органичными.

Полагаю, не будет преувеличением сказать, что настоящая работа - это своеобразный мостик между традиционными началами юридической науки и новой фрагментарной правовой действительностью, нуждающейся в новых обоснованиях и алгоритмах оценки. Не следует, однако, преувеличивать значимость поднятой проблемы и возводить ее до уровня мегаконцепции. Сам по себе институт множественности невелик по объему, и его ни в коем случае нельзя искусственно расширять. Все должно идти своим, естественным путём развития. Однако блуждать на этом пути тоже не стоит. Формирование института множественности в уголовном праве должно развиваться аккуратно с опорой на достижения юридической науки, а не спонтанно под влиянием сиюминутных конъюнктурных факторов.

Заслуживает внимания и научная новизна работы. С опорой на современные положения юридической науки автор разрабатывает теоретический каркас множественности преступлений, рассматривая ее одновременно как целостный уголовно-правовой институт и субинститут наказания, определяет критерии и признаки множественности.

Особой поддержки заслуживают умело поставленная соискателем проблема рассмотрения множественности сквозь призму дифференцированной оценки общественной опасности деяния и общественной опасности личности преступника. Кроме того, в работе Г.С. Досаевой мы встречаем фактически первый в современной уголовно-правовой науке, методически обеспеченный и композиционно выверенный исторический обзор российского законодательства в срезе становления института множественности преступлений.

Представленная на защиту диссертация является ярким образцом того, как старая проблема наказуемости множества деяний и лица, их совершившего, обрывает новым юридическим смыслом и заставляет

пересмотреть традиционные подходы к оценке реальной и идеальной совокупности, рецидива преступлений и общей направленности наказательной политики государства.

Кроме того, в рецензируемой работе впервые за долгое время:

- проведен системный анализ множественности с точки зрения специфики механизма уголовно-правового регулирования;
- обобщены и систематизированы основные доктринальные подходы к институту множественности;
- представлен анализ его структуры и уточнены признаки;
- предложен алгоритм квалификации исходных, первичных, базовых конфигураций множественности;
- выявлены недостатки в нормативном закреплении уголовно-правового института множественности и обоснованы предложения по его оптимизации.

О практическом значении работы хотелось бы сказать особо. Хотя она и носит в основном теоретический характер, ее практическая значимость в современный период весьма значительна. Широко известен тезис, что нет ничего практичнее хорошей и взвешенной теории. Но дело не только в этом.

В современной науке глубинным изменениям подвергается категория общественной опасности. Повышения уровня криминальных угроз ставит перед учеными и практиками ряд важных вопросов относительно ориентиров наказательной политики в случае повторного совершения преступлений. На что в первую очередь должно быть обращено внимание при оценке множественно: на общественную опасность преступления или на опасность личности виновного, и корректно ли вообще говорить о возрастании общественной опасности повторного деяния? Через принятие отдельных поправок законодатель стремится объединить в концепции множественности оба критерия, но ввиду отсутствия необходимой теоретической платформы делает это однобоко и противоречиво. В рецензируемой работе автор искусно балансирует на опасной грани разделения классической и социологической школ уголовного права, уголовно-правового и

криминологического подходов к оценке множественности, предлагая на суд читателей весьма смелые и обоснованные выводы, имеющие большое теоретическое и прикладное значение.

При написании диссертации она использовала большое число научных работ по общей теории и истории права. Следует особо отметить широкий спектр уголовно-правовых источников, посвященных близким к рассматриваемой проблематике вопросам: теории преступления, наказания и дифференциации уголовной ответственности; учениям о профессиональной, рецидивной преступности и личности преступника.

Репрезентативность и высокое качество сформулированных в работе выводов подтверждаются богатой эмпирической базой исследования. Автором проанализированы исторические памятники российского уголовного права, материалы научных дискуссий по вопросам построения уголовного права, обобщены статистические данные, результаты экспертного опроса, осуществлен анализ 350 уголовных дел, а также правоприменительных актов Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции.

Фундаментальный характер носит и нормативная основа диссертации: в ней проанализированы действующее отечественное и зарубежное законодательство, постановления Европейского суда по правам человека и др.

Искусное сочетание теоретических и социологических методов исследования позволило более глубоко и взвешенно подойти к рассмотрению актуальных уголовно-правовых проблем множественности и насытить работу концептуально выверенными аргументами и выводами.

Автор с присущей ей основательностью анализирует каждый из поставленных в работе вопросов, вступая в умную и корректную полемику с ведущими специалистами в области теории уголовного права. Особого внимания заслуживает авторский подход к определению сущности множественности преступлений. Она, как мне представляется, совершенно

точно ухватывает ее суть, утверждая, что «в этой ситуации существует два параллельно развивающихся уголовно-правовых отношения, вызванные соответственно двумя преступлениями. Если какое-либо из этих отношений не началось или по каким-либо предусмотренным законом обстоятельствам прекратилось, то это означает, что связанные с этими отношениями преступные деяния не получили или утратили свойство юридического факта, а следовательно они не могут подлежать уголовно-правовой оценке ни сами по себе, ни в совокупности с иными фактическими обстоятельствами; они исключаются из числа деяний, способных образовать множественность преступлений» (с. 206). И хотя из этого правила соискатель делает совершенно обоснованные исключения, она ограничивает проблему тем базисом, на котором, в конечном счете, и строится правовое регулирование – на характере регулируемых отношений.

К сожалению, автор в дальнейшем не развивает эту мысль, уходя в проблемы поиска алгоритмов оценки базисных сочетаний преступлений, но сама идея об одновременности существования уголовно-правовых отношений заслуживает всяческой поддержки.

Нельзя не согласиться и с выводами относительно роли и возможности права в противодействии множественности преступлений (глава IV). Автор обоснованно разграничивает вопросы квалификации преступлений, совершенных лицом, имеющим неснятую и непогашенную судимость, когда не возникает необходимости сложения нескольких наказаний, и совершенных лицом в ситуации, когда возникает необходимость определить итоговое наказание.

Нельзя не поддержать соискателя и в ее оценках преступлений с административной преюдицией. Как отмечается в работе, «если признавать самостоятельность и принципиальные различия в правовой природе административных правонарушений и преступлений, то должно быть очевидным, что количество совершенных проступков не может привести к изменению их качества и перерастанию двух или более административных

правонарушений в преступление. Если же допустить наличие единой правовой природы административных правонарушений и преступлений, административной и уголовной ответственности, то проблема административной преюдиции трансформируется в проблему нормативной регламентации ответственности за множественность правонарушений. В этом случае феномен, именуемый сегодня «преступлением с административной преюдицией» (иными словами—единичное сложное преступление), трансформируется в преступление, совершенное неоднократно» (с. 266).

В решении данного вопроса автор не без оснований ориентируется на теорию «уголовно-правовой сферы», а одновременность существования однородных охранительных отношений позволяет выстроить внутренне согласованное понимание природы преюдиционных составов.

Хвалебная риторика отзыва вовсе не говорит о том, что все выводы и предложения соискателя безупречны по содержанию и форме. Как и любая научная работа такого уровня, диссертация не свободна от некоторых замечаний и возражений. При прочтении работы невольно ловишь себя на мысли, что постоянно споришь с автором и тщательно анализируешь ее аргументы. Но это скорее достоинство, чем недостаток диссертации. Ведь, как известно, по-настоящему серьезное научное исследование не содержит ответы на вопросы, а побуждает читателей к их поиску.

Особого внимания заслуживает структура работы. Она состоит из введения, двух разделов, включающих 4 главы и 8 параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

В первой главе, опираясь на широкий спектр теоретического материала, автор анализирует этапы зарождения и развития института множественности в отечественном уголовном праве, определяет основные доктринальные подходы, соотносит содержание института множественности с теми историческими и социальными факторами, под влиянием которых он формировался. Применение исторического метода исследования позволило

абстрагироваться от современного понимания множественности и выявить общие закономерности развития данного института. Особой поддержки заслуживает анализ проблемы сквозь призму динамики представлений об общественной опасности преступления и личности преступника.

Проводя прямую зависимость между развитием института множественности и конкретными историческими условиями, соискатель справедливо отмечает, что усиление ответственности напрямую определяется динамикой представлений о сущности преступления и наказания в общественном и правовом сознании.

В последующих частях работы автор следует ему же сформулированному правилу и предлагает верный по существу алгоритм оценки множественности на основе понимания сущности преступления.

Проведенный в диссертации анализ доктринальных позиций не позволяет упрекнуть автора в позитивизме. Удачно выстроенная полемика по существу проблемы обогащает современную теорию уголовного права новыми представлениями о развитии концепции множественности преступлений на рубеже 19-20 веков и, несомненно, способствует развитию преемственности научной мысли.

Нельзя не отметить глубину и качество исследования развития института множественности в советском и современном уголовном праве. Рассматривая его в контексте дифференциации уголовной ответственности, автор формирует ряд интересных выводов относительно критериев и признаков множественности, а также обосновывает нецелесообразность возврата к неоднократности преступлений.

Но особого внимания заслуживает та часть работы, где анализируются состояние и перспективы развития рассматриваемого института (раздел II).

На высоком научном уровне она обобщает статистическую информацию о совершении повторных преступлений, оценивает динамику судимости и рецидива, состав преступников и основные направления преступной деятельности.

Определяя основные криминологические тренды множественности, автор завершает криминологический анализ спорным выводом о том, что «повторение преступлений как криминологический феномен развивается по своим собственным законам, мало связанным с законом уголовным и с теми мерами, которые в нем предусматриваются для неоднократно судимых лиц. Уголовный кодекс относительно произвольно наделяет некоторое сочетание преступлений, совершаемых ранее судимыми лицами, статусом рецидива и ранжирует его на виды». Предполагается, что данный вывод должен быть подкреплён соответствующим предложением о сближении уголовного права и криминологии в вопросе предупреждения множественности преступлений, но оно в работе отсутствует.

Рефреном в диссертации звучит мысль о том, что суммирование общественной опасности двух преступлений не создает «прибавочной» общественной опасности. Эта идея красной нитью проходит сквозь анализ отдельных ситуаций, удачно разделённых автором на несколько базовых конфигураций множественности: а) лицо совершает два тождественных (не важно, умышленных или неосторожных) преступления (не важно, имея или не имея судимость за первое из них); б) лицо совершает два умышленных преступления (не важно, тождественных или разнородных), имея судимость за первое из них; в) лицо совершает два неосторожных не тождественных преступления (не важно, имея или не имея судимость за первое из них); г) лицо совершает умышленное и неосторожное преступление (не важно, в какой последовательности и не важно, имея ли судимость за первое из них) (с. 221).

Вопреки ожиданиям, соискатель отказывается идти по проторенному пути оценки множественности в заданных рамках квалификации, а предлагает оригинальное обоснование квалификации с позиции ранее изложенной концепции множественности. Таким образом, она не просто предлагает алгоритмы правовой оценки, а обосновывает их, одновременно

подтверждая целостность и непротиворечивость защищаемой в диссертации концепции.

Не нарушают общий научный замысел работы и параграф, посвященный перспективам совершенствования уголовного закона в части противодействия множественности преступлений.

Скорее напротив, изложенные в нем предложения позволяют более рельефно подчеркнуть институциональную сущность множественности преступлений как в самом законе, так и в правоприменительной деятельности.

Высоко оценивая содержание диссертации и разделяя позицию автора по ключевым вопросам института множественности преступлений, нельзя не отметить, что рецензируемое исследование не свободно от некоторых неточностей и спорных положений.

1. В работе рефреном звучит мысль о том, что развитие института множественности непосредственно связано с динамикой представлений о сущности преступления и наказания в общественном и правовом сознании. Развивая эту идею, соискатель в отдельных случаях настолько увлекается ею, что заменяет анализ института множественности оценкой представлений о преступлении и наказании. В частности, трудно согласиться с необходимостью глубокого анализа норм обычного права восточных славян в контексте рецензируемой работы хотя бы на том основании, что на тот период не было даже общих представлений о множественности преступлений, равно и о самом преступлении. Как обоснованно отметил соискатель при анализе более поздних исторических периодов, о возможности становления института множественности преступлений можно говорить только тогда, когда «происходит вполне четкое разграничение опасности деяния и опасности личности преступника, своего рода отрыв преступления и наказания от личности преступника и потерпевшего». Очевидно, что в период существования Русской Правды такого ограничения не было, а следовательно, и анализ письменных актов ранней истории

уголовного права в контексте оценки института множественности преступлений представляется излишним.

2. Поддерживая соискателя в ее стремлении предложить систему принципов уголовно-правового института множественности преступлений, хотелось бы уточнить ряд методологических вопросов, касающихся соотношения институциональных и общеправовых принципов. В частности, не ясно, на каких идеологических началах строится принцип приоритета поглощения наказаний при их определении за множественность перед сложением, а также приоритета частичного сложения наказаний перед полным сложением, и как эти положения соотносятся с общеправовыми требованиями справедливости и гуманизма.

3. Исследуя уголовно-правовой институт множественности преступлений (как это явствует из названия диссертации), в самой работе автор предлагает оформлять уголовно-правовые предписания, определяющие правовые последствия совершения лицом двух и более преступлений, в виде двучленной модели: 1) института понятия и видов множественности и 2) субинститута назначения наказания при множественности преступлений.

Далее она обосновывает вариант институализации множественности в УК РФ через определение параметров наказуемости в главе 10.1 «Рецидивист» и резюмирует, что «ключевой признак, предопределяющий уголовно-правовые предписания относительно множественности, состоит в необходимости определения итогового наказания, его размера и порядка исполнения» (с. 229). В этой связи возникает вопрос, является ли признание важности вопросов наказуемости свидетельством отказа соискателя от ею же сформулированного правила о рассмотрении наказания в качестве отдельного субинститута. И если нет, не будет ли обеднено содержание института множественности, если из него будет выведено наказание как его функциональное зерно?

4. Сложно согласиться с предложением автора о включении в УК РФ главы 10.1 «Рецидивист» с выделением в ней статей 74.1 «Понятие

рецидивиста», 74.2 «Назначение наказания лицу, признанному рецидивистом», 74.3 «Назначение наказания лицу, не признанному рецидивистом». Не возражая против самой идеи институализации множественности преступлений в УК РФ, нельзя признать обоснованным предложенное соискателем название главы. Во-первых, упоминание в нем участника уголовно-правовых отношений не соотносится с общим композиционным и стилистическим оформлением уголовного закона, а во-вторых, предлагаемое название далеко не полно отражает содержание норм. В частности, вряд ли можно признать логичной ситуацию, когда одна из трех статей в главе «Рецидивист» посвящена назначению наказания лицу, не признанному рецидивистом.

Отмеченные замечания, однако, не влияют на общую положительную оценку работы, цельность и аргументированность представленной в ней концепции. Положения диссертации развивают научные представления об институте множественности преступлений. Они с успехом могут быть использованы в законотворческой, правоприменительной, научно-исследовательской и учебной деятельности.

На основании изучения текста рукописи диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить следующее:

1. Работа Досаевой Глеры Сулеймановны «Уголовно-правовой институт множественности преступлений» представляет собой самостоятельно выполненное, логически цельное, эмпирически подтвержденное, аргументированное исследование важной уголовно-правовой проблемы, результаты которого имеют значение для развития отечественной юридической науки и практики противодействия преступности.

2. Рецензируемое диссертационное исследование отвечает требованиям пунктов 9 – 14 Раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.13 г. № 842,

а ее автор – Досаева Глера Сулеймановна – заслуживает присуждения
искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности
12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Официальный оппонент:

профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
МГИМО МИД России,

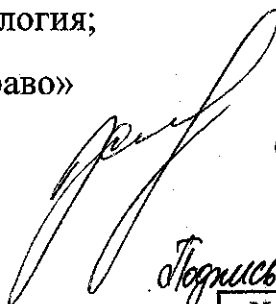
доктор юридических наук,
специальность - 12.00.08 –

«Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право»

доцент,

Сидоренко Элина Леонидовна

«25» апреля 2017 г.

Подпись Сидоренко Э.Л. заверено.

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный институт
международных отношений Министерства иностранных дел Российской
Федерации»

119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

12011979@list.ru